
Доктор Карымов
Я хотел жить..
18+

Доктор Карымов

Я хотел жить..

«Автор»
2026

Карымов Д.

Я хотел жить.. / Д. Карымов — «Автор», 2026

Где проходит тонкая граница между «нормой» и безумием, между спасением и разрушением чужой души, между последним вздохом и надеждой?В новом сборнике практикующего врача — доктора Карымова — собраны четыре пронзительные повести на грани психологии, мистики и жёсткой реальности: «Диагноз: счастлива» — история о том, как легко разложить идеальный брак на молекулы с помощью модных психологических терминов и остаться в стерильной пустоте; «Ночной приём в пустом крыле» — исповедь врача закрытого психиатрического отделения, перед которой встаёт страшный выбор между химической броней и живым сердцем; «Ангел» — тихая история о свете, который приходит туда, где, казалось бы, не осталось ни единого шанса; «Я хотел жить» — беспощадный психологический нуар о парне, чья жизнь оборвалась ещё в роддоме, но душа до последней секунды искала правду.Книга, после которой долго молчишь и иначе смотришь на людей вокруг.

© Карымов Д., 2026
© Автор, 2026

Доктор Карымов
Я хотел жить..

Диагноз: счастлива

Глава 1. Слишком гладкий шелк

Счастье Алины не раздражало окружающих только до тех пор, пока оно выглядело как обычная влюбленность. Ну, поженились, ну, сняли светлую двушку с широкими окнами на парк, ну, носит он ей по утрам кофе в постель и звонит в обед просто спросить, не замерзла ли она. Всякий нормальный человек знает: через год-два эта патока выветрится, начнутся споры из-за невынесенного мусора, ипотеки и его матери, и все войдет в привычную, понятную колею.

Но шел четвертый год, а колея все не появлялась. Напротив — их любовь словно настоялась, как дорогое вино, стала густой, солнечной и совершенно бесстыдной в своей полноте.

В той самой двушке с окнами на парк вечно пахло корицей, свежей выпечкой и мокрым снегом, который Максим приносил на плечах с вечерней пробежки. По субботам они включали старый проигрыватель, пили сухое красное прямо из больших бокалов и танцевали босиком на теплом паркете — нелепо, смешно, наступая друг другу на пятки и хохоча до колик в животе. Максим по-прежнему смотрел на Алину так, словно только что выиграл ее в лотерею у всей Вселенной: мог посреди ужина застыть с вилкой в руке, любуясь тем, как солнечный зайчик путается в ее рыжеватых кудрях, или среди ночи поцеловать ее в кончик носа просто потому, что ему приснилось, будто он потерял ее в толпе.

Алина жила в этом свете, как рыба в теплой прозрачной воде — легко, без оглядки и страха. Они понимали друг друга с полувзгляда, с полувздоха, без длинных нудных разборок. Если он уставал, она молча укрывала его пледом и гладила по жестким темным волосам; если у нее на душе скребли кошки, он бросал все дела, покупал два билета на ночной сеанс или вез ее за город смотреть на звезды, грея ее ледяные ладони у себя под курткой. Это был не просто удачный брак — это была редкая, штучная гармония, от которой у случайных прохожих на улице сами собой расправлялись морщины.

И больше всех эта ненормальная, беспримесная радость тревожила Верочку — мать Алины.

Верочка вырастила дочь одна. Всю жизнь она тащила на себе тяжелые сумки с рынка, кредиты, чужие обиды и железобетонную, как могильная плита, уверенность в том, что все мужики — существа ненадежные, временные и в конечном счете бракованные. Свою одинокую, выстраданную правоту она носила как орден. А тут — зять, который не пьет, не орет, не прячет заначку и смотрит на жену с таким обожанием, словно они вчера познакомились.

— Не бывает так, Алин, — сказала Верочка в воскресенье, помешивая ложечкой остывший чай на дочкиной залитой солнцем кухне. В ее голосе звучала не злоба, а почти материнская тревога, приправленная сладкой, тягучей горечью. — Ну не может взрослый мужик четыре года вокруг жены на цыпочках ходить. Ты присмотрись. Либо у него на стороне кто-то есть и он так вину замаливает, либо он внутри себя копит, копит, а потом как рванет — костей не соберешь.

— Мам, ну что ты придумываешь? — звонко рассмеялась Алина, доставая из духовки румяную шарлотку. Вся она светилась изнутри, легкая, в уютном домашнем свитере. — Мы просто любим друг друга. Нам правда хорошо вместе.

— «Хорошо» — это диагноз, дочка. Недообследованный, — вздохнула Верочка и достала из сумки глянцевую визитку с золотым тиснением. — У меня на работе бухгалтерша ходила. У нее тоже все «гладко» было, пока муж к двадцатилетней секретарше не ушел. Сходи к Елене Сергеевне. Она специалист тонкий, современный. Просто для профилактики. Чтобы розовые очки вовремя снять, пока не больно.

Алина взяла визитку просто чтобы не спорить. Но вечером, когда Максим, как обычно, устало опустился на диван, протянул к ней руки и попросил налить ему чаю, в голове у нее впервые кольнула крошечная, размером с булавочный укол, мысль: «А почему он сам не встал? Чайник ведь в трех шагах».

Кабинет Елены Сергеевны пах белым шалфеем, дорогой бумагой и абсолютным, стерильным спокойствием. Сама психолог — высокая, сухопарая женщина лет сорока пяти с безупречной осанкой, гладко зачесанными в тугой узел волосами и холодными, внимательными глазами цвета мокрого сланца — встретила Алину мягкой, профессиональной полуулыбкой.

В жизни Елены Сергеевны не было ни мужа, ни детей, ни дурацких танцев босиком на кухне. Зато у нее было три диплома, безупречная репутация и тихая, глубоко запрятанная привычка коллекционировать чужие трещины. Наблюдать за тем, как рассыпаются чужие идеальные замки, было единственным, что давало ей ощущение собственной правоты и власти над этим несправедливым миром.

— Итак, Алина, — тихо произнесла Елена Сергеевна, скрестив длинные пальцы на коленях. — Мама считает, что у вас все слишком хорошо. А что чувствуете вы сами?

— Я? — Алина смущенно улыбнулась. — Честно говоря, я пришла только чтобы мама успокоилась. У нас с Максимом правда все замечательно. Он добрый, нежный, мы почти не ссоримся.

Елена Сергеевна чуть наклонила голову, глядя на нее с легким, едва уловимым сочувствием — так опытный врач смотрит на пациента, который еще не знает результатов анализов.

— «Почти не ссоримся», — мягко повторила она, записывая что-то в блокнот. — Алина, а вы знаете, что отсутствие конфликтов в паре — это первый признак эмоционального слияния и подавления границ? Когда двое боятся поссориться, это значит, что один из них постоянно проглатывает свои настоящие желания, чтобы быть «удобным». Скажите, кто из вас чаще уступает в быту? Например, когда вы выбираете, что смотреть вечером или куда поехать в отпуск?

— Ну… я обычно подстраиваюсь под его график, у него работа сложная, — пожала плечами Алина.

— Понимаю, — кивнула психолог, и в ее голосе прозвучала бархатная, обволакивающая грусть. — Вы бережете его ресурс. А кто бережет ваш? Вы ведь, наверное, даже не замечаете, как постепенно растворяетесь в нем. Вчера он попросил принести чай, сегодня вы отказались от встречи с подругой, потому что он устал… Это называется «тихое стирание личности». Понаблюдайте за этим до нашей следующей встречи. Просто посмотрите на ваши отношения без привычной эйфории.

Алина вышла из кабинета с легким головокружением. Воздух на улице показался ей прохладнее, чем час назад. А вечером, когда Максим по привычке обнял ее со спины у плиты и уткнулся носом в ее шею, она впервые не рассмеялась и не прижалась к нему в ответ, а напряженно замерла, прислушиваясь к себе: а не стирает ли он прямо сейчас ее личные границы?

Глава 2. Микроскоп для пылинок

На второй сеанс Алина пришла уже без смущенной улыбки. Всю неделю она вела невидимый учет. Раньше она просто жила, а теперь словно смотрела на свою квартиру через замочную скважину, выискивая улики.

— Знаете, Елена Сергеевна, я, кажется, поняла, о чем вы говорили, — начала Алина, теребя ремешок сумки. — В среду мы собирались в кино, но Максим задержался на совещании, пришел уставший и предложил заказать пиццу и остаться дома. Я согласилась. А потом лежала и думала: ведь это я хотела в кино. Почему я опять подстроилась?

Елена Сергеевна удовлетворенно качнула головой. Крючок зацепился. Теперь оставалось только медленно, миллиметр за миллиметром, подтягивать леску.

— Потому что в вашей паре действует негласный контракт, Алина, — спокойно, почти буднично объяснила психолог. — Его усталость всегда в приоритете. А ваши желания — по

остаточному принципу. Скажите, а как он реагирует, когда вы все-таки настаиваете на своем? Он злится? Замыкается?

— Нет, он не злится… Он просто вздыхает так тяжело и говорит: «Хорошо, милая, как скажешь».

Елена Сергеевна на секунду прикрыла глаза, словно от физической боли, и тихо выдохнула:

— Классическая пассивная агрессия и манипуляция чувством вины. Он не кричит на вас — зачем, если можно тяжело вздохнуть и сделать вас виноватой в том, что бедный уставший муж вынужден идти у вас на поводу? Это гораздо токсичнее открытого скандала, Алина. При скандале вы хотя бы имеете право защищаться. А здесь вас связывают по рукам и ногам его показным благородством.

Слово «токсичнее» повисло в тишине кабинета, тяжелое и липкое, как смола. Алина повторила его про себя несколько раз, пробуя на вкус. Оно звучало научно, неоспоримо и пугающе.

— А еще… — робко добавила Алина, сама не замечая, как уже жалуется. — Он никогда не моет за собой кружку сразу после кофе. Ставит ее в раковину, хотя посудомойка в метре. Раньше я просто убирала ее на автомате, а вчера посмотрела и подумала: неужели ему так трудно?

— Ему не трудно, — мягко улыбнулась Елена Сергеевна, глядя на девушку с теплой, почти материнской жалостью. — Ему просто удобно знать, что за ним приберут. Это бессознательное обесценивание вашего труда и вашего времени. В здоровом партнерстве мужчина видит в женщине равную, а не обслуживающий персонал, который работает за комплименты и утренний кофе.

Вечером дома Максим впервые столкнулся с новой Алиной. Когда он поставил пустую кружку в раковину и потянулся обнять жену, Алина сделала шаг назад и ледяным, выверенным тоном произнесла:

— Максим, мне неприятно, что ты обесцениваешь мой бытовой труд. Посудомойка находится ровно в одном шаге от тебя.

Максим растерянно моргнул, глядя то на кружку, то на напряженное, чужое лицо жены.

— Прости, задумался… Конечно, сейчас уберу, — он поспешно открыл дверцу машины, поставил кружку и виновато улыбнулся. — Что-то случилось на работе? Ты какая-то сама не своя.

— Ничего не случилось, — отрезала Алина, уходя в спальню. — Просто я наконец начала замечать, как мы живем.

Максим остался стоять посреди кухни. Впервые за четыре года в их светлой, уютной квартире стало по-настоящему тихо. Но это была уже не та теплая, домашняя тишина, в которой так хорошо молчать вдвоем. Это была тишина перед грозой.

Глава 3. Звук капающей воды

К третьей неделе квартира с широкими окнами на парк изменилась. В ней не переставляли мебель и не переклеивали обои, но свет в комнатах словно потяжелел, стал вязким, как осенние сумерки. Алина вдруг начала слышать звуки, которых раньше не замечала: как гудит ночью холодильник, как противно щелкает выключатель в коридоре и как громко, с каким-то тупым, раздражающим упорством Максим размешивает сахар в утреннем чае.

Дзинь-дзинь-дзинь. Ложечка билась о стенки чашки, и каждый удар отдавал у Алины в висках мелкой, злой вибрацией.

Внутри нее теперь шла настоящая война. Первая Алина — прежняя, теплая, живая — металась в груди, словно птица, запертая в темном чулане, и из последних сил била крыльями в ребра: «Очнись! Посмотри на него! У него же круги под глазами, он три ночи не спит, ходит

на цыпочках и пытается понять, чем тебя обидел! Это же твой Макс, вы же на прошлой неделе смеялись над старым фильмом, завернувшись в одно одеяло!»

А вторая Алина — холодная, колючая, вооруженная чужими выверенными словами — смотрела на мужа как следователь на подозреваемого, у которого пока не нашли улик, но приговор уже подписан.

На третьем сеансе в кабинете Елены Сергеевны пахло все тем же белым шалфеем, но теперь этот запах казался Алине приторным и душным, как аромат ладана в закрытой комнате. Психолог сидела в кресле неподвижно, сложив руки на коленях, и ее серые глаза не мигая следили за тем, как девушка нервно теребит край рукава.

— Я не хочу больше сюда ходить, — вдруг вырвалось у Алины. Она сжала кулаки так сильно, что ногти впились в ладони, пытаясь физической болью пробить этот липкий морок. — Я прекращаю терапию. Мне кажется, я схожу с ума. Я придираюсь к нему на ровном месте! Вчера он принес мои любимые пионы, а я вместо «спасибо» спросила, не заглаживает ли он так какую-то вину. Он так на меня посмотрел… Мне стало страшно от самой себя. Я люблю его, Елена Сергеевна. Я не хочу его терять.

Елена Сергеевна не удивилась и не стала спорить. Она лишь медленно, почти с наслаждением вдохнула воздух и чуть наклонилась вперед. В свете настольной лампы ее лицо на секунду показалось вырезанным из бледного воска.

— Это называется «откат системы», Алина, — произнесла она тихим, гипнотическим голосом, от которого по спине пробежал холодок. — Ваша психика четыре года жила в сладкой иллюзии. Сейчас, когда мы начали вскрывать нарыв, вам больно. И вас тянет обратно — в привычное болото, где можно закрыть глаза и делать вид, что пионы решают проблему. Вы имеете полное право уйти прямо сейчас. Вернуться в клетку и снова стать удобной. Но ответьте себе честно всего на один вопрос: неужели вы не чувствуете, что за его идеальностью прячется контроль? Вспомните любую мелочь за последние дни. Любую деталь, где он показал, что считает себя главным, а ваше мнение — пустым звуком.

Алина вскочила со стула, едва не опрокинув сумку.

— Нет никаких деталей! Он хороший! — выкрикнула она и почти выбежала из кабинета, хлопнув дверью.

Всю дорогу домой она едва не плакала от облегчения. В груди снова теплело, витринное стекло внутри треснуло и осыпалось. «Свободна, я свободна от этого бреда», — повторяла она про себя, поднимаясь по лестнице. Она решила, что прямо сейчас обнимет Максима, попросит прощения за эти дурацкие недели и они вместе испекут ту самую шарлотку с корицей.

Она открыла дверь своим ключом. Из кухни пахло жареной картошкой и укропом — Максим специально пришел пораньше, чтобы приготовить ей ужин.

— Алин, ты? — крикнул он из кухни, и в его голосе было столько искренней, мальчишеской радости, что у нее защемило сердце. — Мой руки, я тут почти все накрыл!

Алина с улыбкой прошла на кухню, уже протягивая руки, чтобы обнять его со спины… и ее взгляд упал на стол.

Максим поставил две тарелки. На свою он положил хрустящую румяную корочку со дна сковородки — ту самую, поджаристую, которую Алина любила больше всего на свете, — а ей наложил обычную мягкую картошку сверху. И рядом положил не ее любимую маленькую вилку с деревянной ручкой, а обычную металлическую, первую попавшуюся из ящика. Секунда. Всего одна секунда.

Раньше Алина бы просто рассмеялась, стащила у него из тарелки эту корочку вилкой и сказала: «Эй, воришка, это моя доля!». Но сейчас, в мертвой тишине кухни, эта жареная корочка вдруг увеличилась до размеров огромного, уродливого бельма.

В голове мгновенно, ледяным щелчком включился чужой, ровный голос Елены Сергеевны: «Неужели вы не чувствуете, что за его идеальностью прячется контроль? Себе — лучший

кусок. Тебе — что осталось. И даже вилку не ту положил. Потому что ему все равно, что ты любишь. Он думает только о себе».

Птица внутри груди в последний раз отчаянно забилась о ребра — и затихла, задушенная тяжелой, бетонной плитой. Тепло мгновенно вытекло из пальцев, оставив после себя ледяное оцепенение.

— Алин? Ты чего замерла? Садись, остынет же, — Максим обернулся с полотенцем в руках и растерянно улыбнулся, увидев ее каменное, побелевшее лицо.

— Ничего, — тихо, чужим голосом сказала Алина, отступая на шаг от стола. — Я не голодна.

Она развернулась, вышла в коридор, достала из кармана пальто смятую визитку с золотым тиснением и аккуратно разгладила ее пальцами. В среду она снова пойдет на прием.

Глава 4. Голодные тени

В пятницу вечером без звонка заглянула Верочка. Она вошла в прихожую тихо, по-кошачьи, с порога втянула носом тяжелый, наэлектризованный воздух квартиры — и в ее глазах вспыхнул торжествующий, жадный огонек. Мать словно почуяла запах гари.

— Поссорились? — с придыханием спросила она на кухне, прикрыв дверь и наклонившись к дочери так близко, что Алина увидела мелкую сетку морщин вокруг ее поджатых губ. — Я же говорила! Я сердцем чуяла, что нечисто тут. Что, нашла у него кого-то?

— Мам, хватит! — резко выкрикнула Алина, сама пугаясь собственного визгливого голоса. — Никого у него нет! Просто… отстань от меня, пожалуйста!

Верочка отшатнулась, прижала руки к груди и изобразила на лице оскорбленную святость:

— Ну вот, пожалуйста. Мать всю жизнь на тебя положила, правду сказать боится, а ты на меня как собака кидаешься. Довел он тебя, Алин. Вон, осунулась вся, глаза черные. А ведь я только добра желаю…

Когда мать ушла, оставив после себя запах дешевых духов и липкое чувство вины, Алина заперлась в ванной. Она включила холодную воду, уперлась руками в край раковины и посмотрела на свое отражение в зеркале. Из зазеркалья на нее смотрела незнакомая женщина с заострившимися скулами и жесткой складкой у рта.

«Остановись, — беззвучно шептала настоящая Алина, задыхаясь от ужаса. — Выброси визитку. Подойди к Максиму, обними его, скажи, что тебе страшно, что ты запуталась. Он поймет, он всегда понимал!»

Она распахнула дверь ванной, решительно шагнула в спальню — и замерла на пороге.

Максим спал, откинув одеяло. В тусклом свете уличного фонаря его лицо выглядело беззащитным и усталым. Он тихо, чуть присвистывая, дышал во сне. И вдруг в сознании Алины словно щелкнул невидимый затвор. Вместо нежности к горлу подкатила холодная, тошнотворная волна отвращения. Ей вдруг показалось невероятно противным то, как он дышит, как лежит на своей половине кровати, занимая слишком много места, как его рука свешивается с края матраса.

На четвертом сеансе Алина уже не сопротивлялась. Сопротивляться было некому — прежняя Алина сжалась в крошечный, дрожащий комок где-то на самом дне сознания, задавленная бетонными плитами чужих терминов.

— Он хочет ребенка, — ровным, почти механическим голосом говорила Алина, глядя в одну точку на ковре. — Вчера за ужином сказал, что нам пора подумать о малыше. Раньше я сама этого хотела. А вчера… меня аж передернуло.

Елена Сергеевна мягко улыбнулась. В ее кабинете сегодня было особенно тихо, и тикали настенные часы: тик-так, тик-так — словно отсчитывали последние минуты чьей-то жизни.

— Интуиция наконец проснулась, Алина, — с теплой, торжествующей интонацией произнесла психолог. — Ваш организм сам защищается. Когда мужчина чувствует, что женщина

начинает прозревать и выходить из-под контроля, он пытается привязать ее ребенком. Это репродуктивное принуждение. Родите — и вы уже никуда не денетесь из этой клетки. Ни работы, ни своих денег, ни права голоса. Только его уставшие вздохи и грязные кружки в раковине.

Алина закрыла глаза. В голове было пусто, чисто и холодно, как в операционной после кварцевания. Все встало на свои места. Все четыре года счастья оказались ловушкой.

Глава 5. Идеальная тишина

Пятый сеанс длился всего двадцать минут. Елене Сергеевне больше не нужно было задавать наводящие вопросы или подталкивать клиентку — старый дом внутри Алины был снесен до самого фундамента, и теперь на этом выжженном пустыре психолог могла строить все, что угодно.

Алина сидела в кресле неподвижно, сложив руки на коленях. За эти недели она словно выцвела: кожа приобрела серый, бумажный оттенок, а под глазами залегли глубокие тени. Она больше не спорила сама с собой и не вздрагивала от резких звуков. Внутри нее не осталось ни злости, ни боли — только гулкое, выскребенное до кости пространство, в котором эхом отдавался один-единственный спокойный, уверенный голос Елены Сергеевны.

— Я больше не могу находиться с ним в одной квартире, — сказала Алина. Ее голос звучал удивительно ровно, почти монотонно — точь-в-точь как у самой психолога. — Мне нечем там дышать. Он ничего плохого не делает, но само его присутствие нарушает мое личное пространство. Когда он дома, меня словно не существует. А без вас… без наших встреч я вообще перестала понимать, что я чувствую на самом деле.

Елена Сергеевна чуть заметно улыбнулась. На секунду в глубине ее серых зрачков вспыхнуло чистое, нефильтрованное торжество — маленькая победа одинокой женщины над чужим теплом, которого у нее никогда не было и не будет. Она поймала ее. Теперь эта девочка не сделает ни шагу без ее одобрения.

— Это естественно, Алина, — мягко, почти ласково произнесла психолог, подаваясь вперед и накрывая ее ледяную ладонь своими сухими, теплыми пальцами. От этого прикосновения по телу Алины прошла странная, болезненная волна облегчения — словно утопающему наконец бросили канат. — Когда человек выбирается из созависимости, старые опоры рушатся. Сейчас вашей опорой являюсь я. И мы будем идти дальше вместе, шаг за шагом, пока вы не научитесь жить заново. Соберите вещи сегодня. Сделайте паузу. Поживите отдельно.

— А если мне станет страшно вечером? — тихо, по-детски растерянно спросила Алина, цепляясь взглядом за ее глаза. — Я… я могу вам написать?

— Конечно, моя хорошая, — бархатным голосом ответила Елена Сергеевна. — В любое время. Теперь я рядом.

Вечером того же дня в светлой двушке с окнами на парк стоял собранный чемодан.

Максим сидел на краю дивана, сгорбившись, уперев локти в колени. Он даже не пытался спорить или удерживать ее — за последние недели он словно постарел на десять лет и окончательно перестал понимать, на каком языке говорит женщина, которую он любил больше жизни.

— Алин, я правда не понимаю, — тихо, хрипло произнес он, глядя в пол. — Скажи мне прямо: я разлюбил тебя? Я обидел тебя? Что я сделал не так? Я все исправлю, только не молчи так.

Алина стояла у двери в пальто. Внутри нее, на самом дне выжженной пустоты, еще шевельнулся крошечный, задыхающийся огонек. «Не уходи, — прошептал он из последних сил. — Посмотри на его руки, они же дрожат! Это твой Макс! Останься, без него ничего не будет!»

Она на секунду зажмурилась. От мысли, что ей придется самой принимать решения, самой чувствовать и снова нести ответственность за чужую любовь, к горлу подкатила паника.

Ей немедленно, до физической ломки захотелось услышать ровный, успокаивающий голос Елены Сергеевны, который все разложит по полочкам и скажет, что она права.

Алина открыла глаза. Огонек внутри погас.

— Ты ни в чем не виноват, Максим, — произнесла она чужим, стерильным голосом. — Просто мы находимся в деструктивном слиянии, и мне нужно восстановить личные границы. Я поживу пока у мамы. Так будет экологичнее для нас обоих.

Она повернула ключ в замке, вышла на лестничную клетку и закрыла за собой дверь.

В подъезде было темно и пахло сырым бетоном. Алина спустилась на один пролет, остановилась у мусоропровода, прислонилась спиной к холодной стене и судорожно достала телефон. Пальцы дрожали. На экране светились два сообщения: от мамы («Чайник поставила, жду, доченька, все к лучшему») и от Елены Сергеевны («Горжусь вами. Я на связи, если накроет тревога. Жду в среду в то же время»).

Алина перечитала сообщение психолога три раза подряд, жадно впитывая каждую букву, словно глоток воздуха. Затем быстро набрала ответ: «Спасибо, Елена Сергеевна. Я ушла. Мне очень пусто, скажите, что я все сделала правильно».

Она прижала телефон к груди и закрыла глаза. В голове больше не гудел холодильник, не раздражала ложечка в чашке и никто больше не стучал изнутри в витринное стекло. Там наконец-то наступила идеальная, мертвая пустота — чистый лист, на котором теперь могла писать только одна рука. И почему-то от этой тишины ей вдруг стало так холодно, что застучали зубы.

Ночной приём в пустом крыле

Глава 1. Воздух закрытого отделения

Дома у меня всё по-настоящему хорошо. Без всяких оговорок, скрытых трещин и двойного дна.

Я люблю свою просторную, тёплую квартиру в тихом центре, люблю утренний свет на паркете, запах свежемолотого кофе и вечернюю тишину, в которой так славно читается под торшером. У меня ясная голова, ровное, спокойное настроение и та редкая, зрелая гармония, когда просыпаешься утром с лёгким сердцем и точно знаешь, зачем живёшь. Никакой тоски, никаких теней в углах, никаких странностей — дома мой рассудок кристально чист, как горный воздух после грозы.

Но всё неуловимо меняется в ту секунду, когда я заступаю на ночное дежурство и переступаю порог закрытого психиатрического отделения.

Двадцать лет в неотложке и три года в ночной психиатрии приучили меня к чему угодно, но с конца ноября меня не отпускает липкое, тревожное ощущение: на работе что-то не так. Словно за этими тяжёлыми, обитыми дерматином дверями сам воздух изменил плотность — стал густым, вязким и насквозь пропитанным чужим сумасшествием, как старые больничные стены пропитаны запахом хлорки и валерианы.

И самое пугающее начинается ровно в тот момент, когда я сажусь за стол и начинаю разговаривать с пациентами.

Пока в кабинете никого нет, я — обычный, собранный врач. Но стоит войти очередному больному и заговорить, как в моём собственном сознании словно щёлкает невидимый тумблер. Стоит мне задать первый дежурный вопрос женщине, которая шепчет о людях за зеркалом, как пальцы моей правой руки предательски немеют, и мне приходится перекладывать ручку в левую руку — выводя в истории болезни колючий, чужой почерк, похожий на кардиограмму умирающего. Стоит мне наклониться к старику, уверяющему, что из сгоревшего пятого корпуса по ночам приходят гости в мокрых пальто, как в моём боковом зрении в глубине кори-

дора на долю секунды возникает чей-то тёмный силуэт, пахнущий речной тиной и морозным озоном.

Но едва за пациентом закрывается дверь, пальцы мгновенно теплеют, почерк становится прежним, а коридор пустеет. А утром, вернувшись в свою уютную, залитую солнцем квартиру, я снова вижу в зеркале абсолютно здоровую, спокойную и трезвую женщину.

В такие ночи, сидя в пустом кабинете под гул люминесцентных ламп, я всё чаще ловлю себя на крамольных, неврачебных мыслях о самой природе человеческого безумия. Кто вообще провёл эту тонкую, невидимую черту между нормой и патологией? Несколько седых профессоров сто лет назад сели за стол и договорились: тех, кто ходит строем, платит по счетам и делает вид, что не замечает абсурда вокруг, мы назовём здоровыми. А тех, у кого треснула защитная скорлупа, кто слышит голоса ушедших или видит тени в пустых коридорах, мы запрём за толстыми дверьми и будем гасить нейролептиками. Но если присмотреться к глазам моих ночных пациентов — в них нет той каменной, заученной фальши, которой полны улицы дневного города. Может быть, это не они сломались? Может быть, это они — единственные, кто видит мир таким, какой он есть на самом деле, без прикрас и анестезии, а «нормальными» мы называем тех, кто просто научился крепко зажмуриваться?

Эта пугающая избирательность и мои собственные мысли не давали мне покоя. Одним тихим, уютным вечером, сидя в кресле с чашкой травяного чая, я достала с полки старые психиатрические справочники и закрытые архивные монографии, по которым училась ещё в ординатуре. Я перелистывала пожелтевшие страницы одну за другой, пытаясь найти хоть одно научное подтверждение догадке, которая с каждым дежурством крепла во мне всё сильнее: можно ли заразиться безумием от душевнобольных, если годами дышишь с ними одним воздухом?

Но медицина молчала. Учебники сухо констатировали: психическое расстройство — не инфекция, им нельзя заразиться через взгляд, чужой бред или многолетнее общение с больными. Я закрыла тяжёлые тома с глухим стуком, но спокойнее мне не стало. Внутри росла упрямая, почти суеверная уверенность в том, что старые профессора просто чего-то не знали. Что сумасшествие — это медленный, невидимый вирус, который годами копится во враче при каждом разговоре с надломленным рассудком и просыпается только тогда, когда рядом находится его носитель.

Казалось бы, решение очевидно: нужно немедленно написать заявление об уходе, бросить эти ночные смены и закрыть за собой дверь отделения навсегда. Деньги мне не нужны, дома меня ждёт безупречный покой и счастливая, налаженная жизнь. Я даже дважды садилась за стол, брала чистый лист бумаги — и всякий раз откладывала ручку.

Стоило мне провести дома больше двух выходных подряд, как спокойный, правильный мир начинал казаться слишком пресным, почти игрушечным. Внутри просыпалась странная, сосущая пустота, словно мне катастрофически не хватало того густого, наэлектризованного воздуха закрытого отделения, чужих надломленных голосов и этого опасного балансирования на самом краю. Я с пугающей ясностью понимала: это превратилось в зависимость. Как курильщик тянется к сигарете, зная, что она убивает его изнутри, так и я снова и снова ждала вечера, чтобы войти в кабинет и сделать первый глоток чужого безумия — гадая, сколько ещё таких смен пройдёт, прежде чем эта тьма окончательно переберётся ко мне домой.

Глава 2. Разговоры в курилке и первая ночь на кушетке

К началу декабря я поняла, что в одиночку с этим вопросом не справлюсь, и впервые решилась осторожно прощупать коллег.

Прямо спрашивать о «заражении безумием» в психиатрической клинике — верный способ самому оказаться в соседнем отделении без права переписки, поэтому я заходила издалека. На утренних пятиминутках, за чашкой растворимого кофе в ординаторской или в узкой больничной курилке с выходом на пожарную лестницу я заводила разговоры о профессиональной деформации и о том, не замечают ли они за собой странностей после долгих дежурств.

Заведующий отделением, грузный, флегматичный Олег Петрович с тридцатилетним стажем, только гулко рассмеялся и похлопал меня по плечу тяжёлой ладонью:

— Брось ты, Вера. Это обычная усталость. У меня после суточных смен одно желание — добраться до дивана, включить футбол и ни с кем не разговаривать до понедельника. Какие тени, какие почерки? Нам с тобой с ума сходить некогда, у нас отчётность квартальная.

Молодой ординатор Денис, вечно взъерошенный парень с кругами под глазами, отреагировал ещё проще — пожал плечами и зевнул:

— Да бросьте, Вера Николаевна. Психи как психи. Поорали, укололи, уложили — и забыли. Я о них вообще не думаю, как только за проходную выхожу. А вы, наверное, просто слишком близко к сердцу всё принимаете.

Я смотрела на них и вдруг поймала себя на холодном, въедливом вопросе: а нормальны ли они сами?

Стоило присмотреться к коллегам повнимательнее — без привычной корпоративной солидарности, — как за их белыми халатами начали проступать пугающие, почти уродливые трещины. Тот же Олег Петрович каждую пятницу уезжал к себе в гараж и до утра в одиночестве разбирал и собирал старый лодочный мотор, разговаривая с гаечными ключами ласковым, вкрадчивым шёпотом, а по утрам в отделении с ледяным, стеклянным спокойствием назначал двойную дозу аминазина старику, который всего лишь слишком громко звал покойную жену. Вечно улыбчивый Денис коллекционировал в телефоне фотографии пациентов в момент острого приступа, пересылал их друзьям со смеющимися смайликами и приходил в странное, лихорадочное возбуждение, когда санитары привязывали буйных к койкам ремнями. Старшая медсестра с её накрахмаленным чепчиком методично обкрадывала тумбочки молчаливых больных, забирая у них принесённые родственниками конфеты, и с упоением рассказывала на кухне, как топит в ведре слепых котят на даче.

«Неужели белый халат и связка ключей от ординаторской сами по себе определяют нормальность? — думала я, глядя, как Олег Петрович с каменным лицом раскладывает пасьянс, пока за стеной в надзорной палате стонет привязанный человек. — Мы ставим им диагнозы за то, что они видят тени, а сами носим внутри такую глухую, мёртвую жестокость и такие тихие, узаконенные мании, перед которыми любой их бред кажется детским лепетом. Только у нас есть диплом и право держать шприц — вот и вся разница».

Я поняла, что от коллег ответа не дождусь. Для них пациенты были просто шумным биологическим материалом, от которого они закрывались толстой броней цинизма. Никто из них не чувствовал вязкой плотности больничного воздуха, ни у кого не немели пальцы. «Значит, я действительно подхватила это одна, — с пугающей, почти торжествующей ясностью решила я. — Мой иммунитет дал трещину, и вирус поселился только во мне».

И вместе с этим убеждением во мне начало расти новое, пугающе тёплое чувство. С каждым дежурством ночные пациенты нравились мне всё больше — гораздо больше, чем мои «здоровые» коллеги или улыбчивые соседи из тихого центра. В душевнобольных не было ни капли этой липкой, повседневной фальши и холодной жестокости. Если старик из четвёртой палаты плакал, глядя на пустой стул у окна, — в его слезах была такая чистая, обнажённая искренность, какой я не видела на воле уже лет десять. Если молчаливая девушка с третьего этажа брала меня за руку и шептала, что за окном сегодня «слишком громко падает снег», — я вдруг с поразительной отчётливостью слышала этот мягкий, хрустальный звон падающих снежинок и понимала её без единого лишнего слова.

Они перестали казаться мне сломанными. Напротив — рядом с ними я впервые чувствовала себя среди своих. Словно они говорили на моём родном, давно забытом языке, а весь остальной город за забором клиники бормотал на чужом, бессмысленном наречии.

В пятницу вечером моя смена закончилась ровно в восемь. За окном стояла тихая, морозная ночь, в моей идеальной квартире в центре меня ждал тёплый пол, любимая книга и свеже-

молотый кофе. Я сняла халат, надела бежевое кашемировое пальто, взяла сумку — и замерла у двери ординаторской.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.